

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РАССКАЗЫ

СКАЗКИ

РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва «Детская литература» 1976

P1
P24

Обложка
Г. Никольского

Рисунок на титуле
И. Архангельской

P24 **Рассказы** и сказки русских писателей. Обложка Г. Никольского. Рис. И. Архангельской, В. Курдова, А. Лаптева, Г. Никольского, Е. Рачёва, М. Успенской. М., «Дет. лит.», 1976.

160 с. с ил. (Шксльная б-ка).

В книгу входят произведения Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. М. Гаршина, Н. Г. Гарина-Михайловского, Максима Горького, А. Н. Толстого.

P 70802—377
M101(03) 76 137— 7F

P1

ФИЛИПОК

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

— Ты ещё мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подён-

ную работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

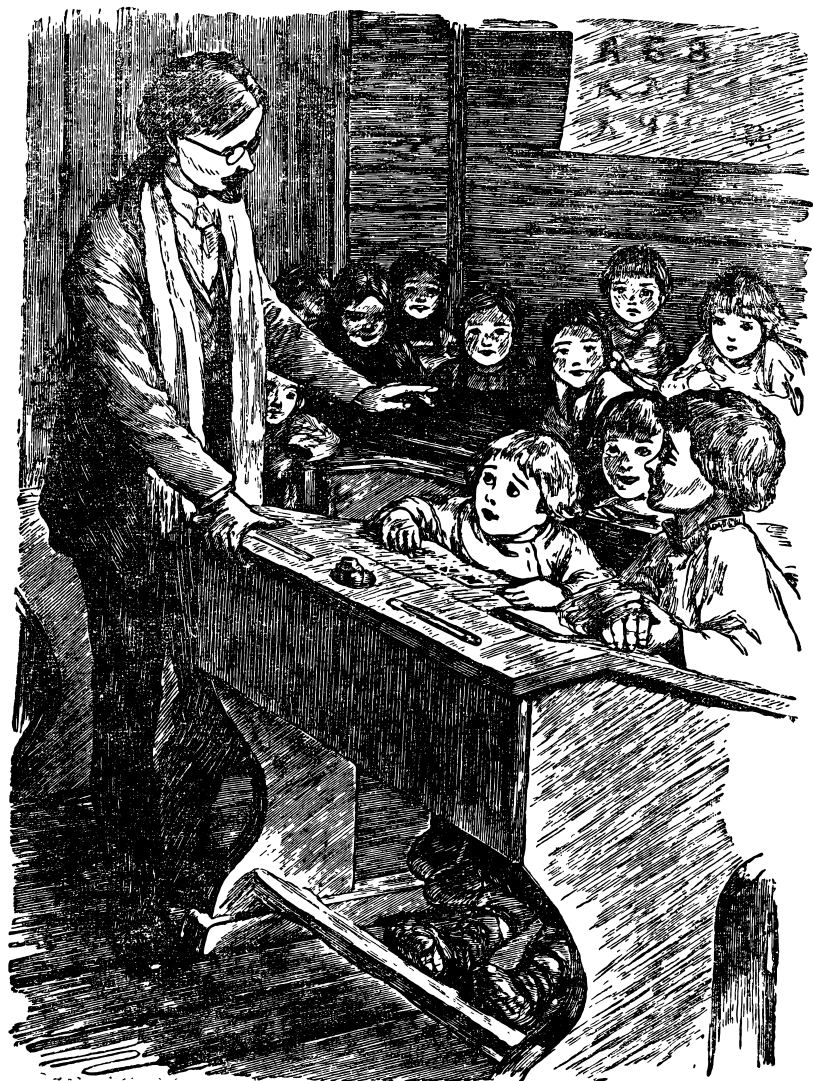
Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, и он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его — они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипке нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, в школу идти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Ну-ка, сложи своё имя, — сказал учитель.

— Все учатся, а ты что тут стоишь?
Филипок и пошёл в школу.

В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят.

Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да ты кто?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтобы пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и—хви, ле-и—ли, пе-ок—пок.

Все засмеялись.

— Молодец! — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

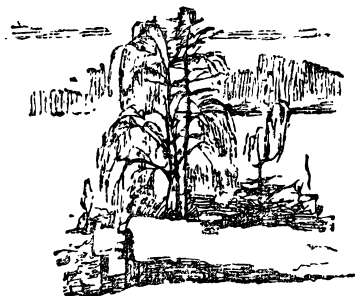
— Костюшка! Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Л. Н. Толстой

КОСТОЧКА

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит — одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко».

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Л. Н. Толстой

*Валя победил и сказал: «Нет, я косточку бросил
за окошко».*

ДЕВОЧКА И ГРИБЫ

Две девочки шли домой с грибами. Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что машина далеко, взлезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре:

— Не ходи назад!

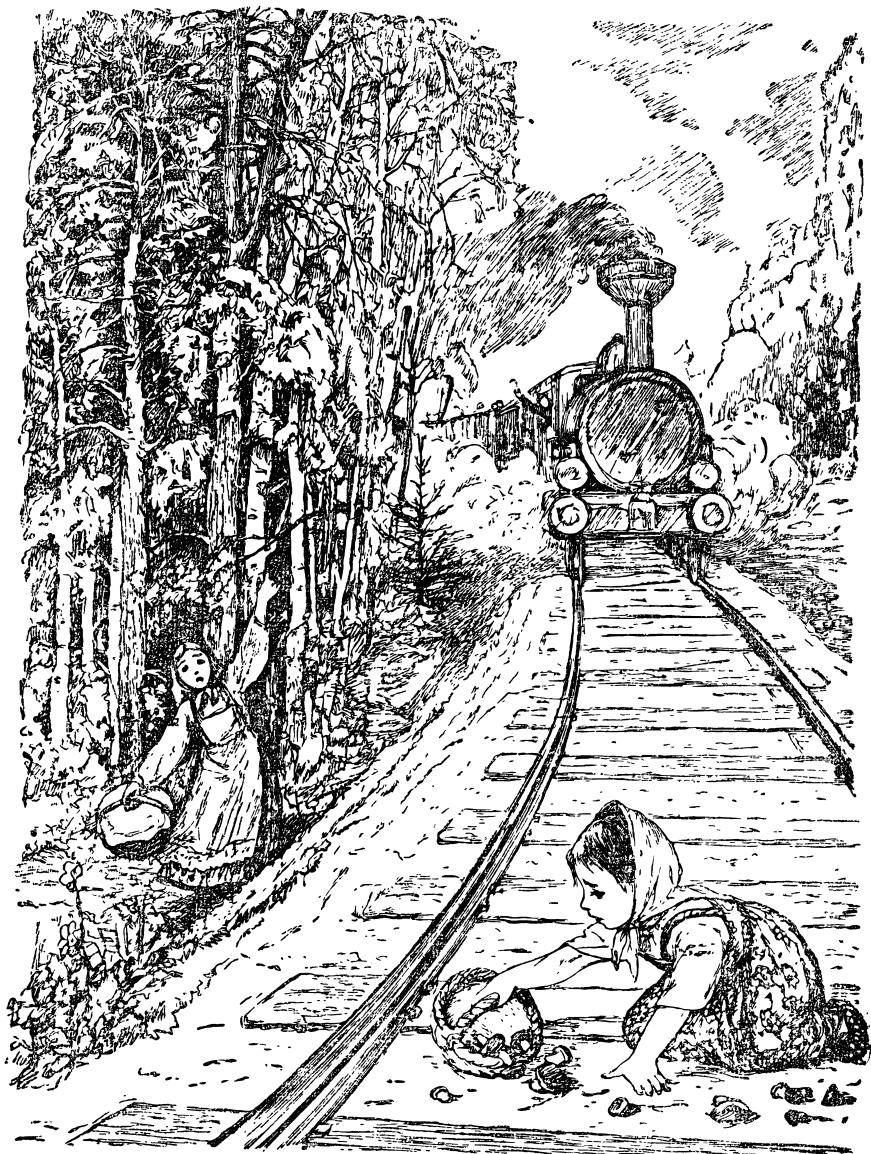
Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала: «Брось грибы!», а маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала.

Машинист не мог удержатъ машины...

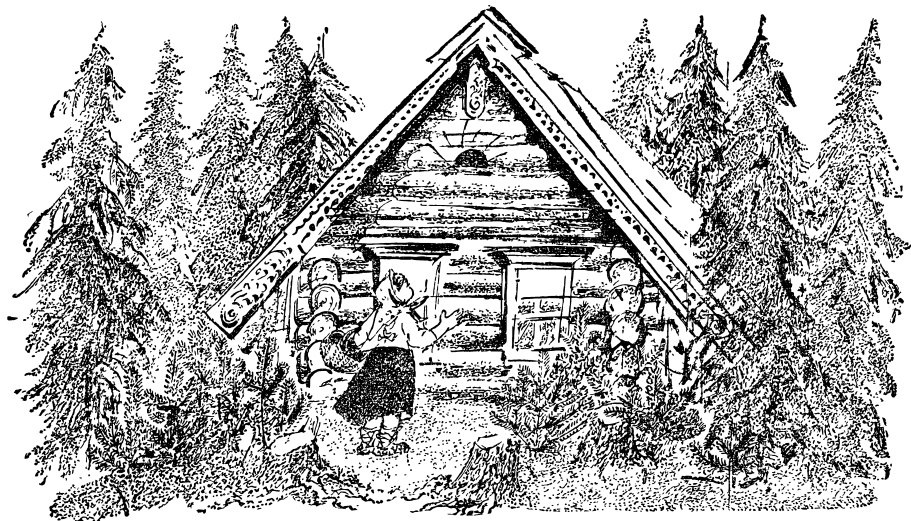
Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидели, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на коленки, собрала грибы и побежала к сестре.

Л. Н. Толстой

ТРИ МЕДВЕДЯ

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была отворена; она посмотрела в дверь, видит — в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежо-

нок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Иванычева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина, третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки, потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки, и Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит у стола три стула: один большой — Михайлы Иванычев, другой поменьше — Настасьи Петровнин и третий маленький, с синенькой подушечкой, — Мишуткин. Она полезла на большой стул и упала, потом села на средний стул, на нём было неловко, потом села на маленький стульчик и засмеялась — так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колена и

стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Иваннычева, другая средняя — Настасьи Петровнина, третья маленькая — Мишенькина.

Девочка легла в большую — ей было слишком просторно; легла в среднюю — было слишком высоко; легла в маленькую — кровать пришлась ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ?

А Мишутка увидал свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

— КТО ХЛЕБАЛ В МОЕЙ ЧАШКЕ И ВСЁ ВЫХЛЕБАЛ?

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

— КТО СИДЕЛ НА МОЁМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СДВИНУЛ ЕГО С МЕСТА?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

— КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ И СЛОМАЛ ЕГО?

Медведи пришли в другую горницу.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? —

заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? —

зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ?

И вдруг он увидал девочку и завизжал так, как будто его режут:

— ВОТ ОНА! ДЕРЖИ, ДЕРЖИ! ВОТ ОНА! ВОТ ОНА! АЙ-ЯЙ-ЯЙ! ДЕРЖИ!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Л. Н. Толстой

ДВА ТОВАРИЩА

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать ему было нечего — он упал наземь и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся.

— Ну, что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

Л. Н. Толстой

ДЕТИ В РОЩЕ

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре, — в школу мы ещё успеем. В школе теперь и душно и скучно, а в роще, должно быть, очень весело. Послушай, как кричат там птички! А белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойди ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взялись за руки и скрылись между зелёными кустами, под кудрявыми берёзками. В роще, точно, было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

— Поиграй-ка с нами, — сказали дети жуку.

— С удовольствием бы, — отвечал жук, — но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети жёлтой мохнатой пчеле.

— Некогда мне играть с вами, — отвечала пчёлка, — мне нужно собирать мёд.

— А ты не поиграешь ли с нами? — спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить своё хитрое жильё.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними; но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму.

Голубь сказал:

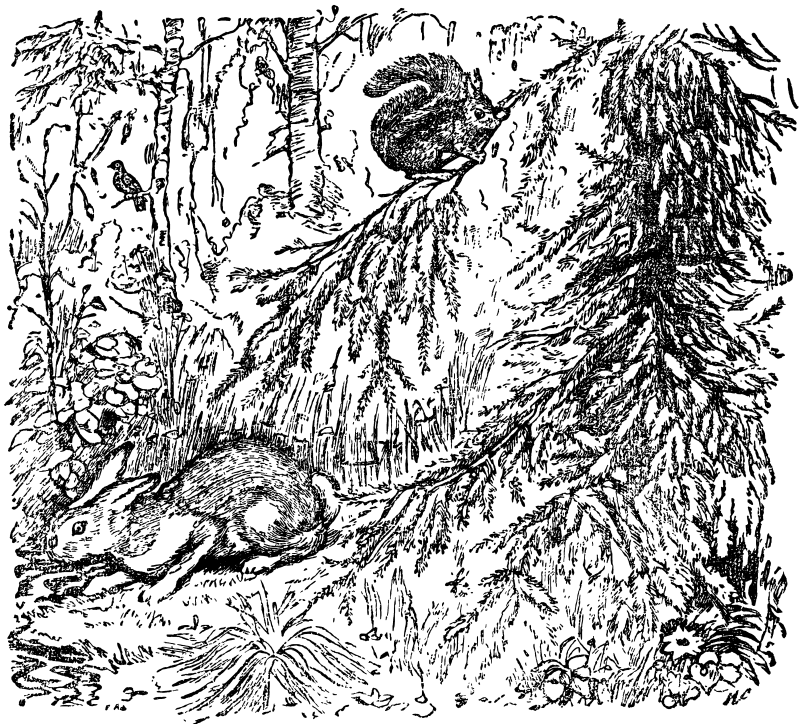
— Строю гнездо для своих маленьких деток.

Серенький зайчик бежал к ручью

умыть свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми. Он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

— Тебе уж, верно, нечего делать? — сказали ему дети. — Поиграй же с нами!

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей. — Ах вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю днём и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет бельё, вертит мельничные колёса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идёт кругом! — прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало ещё скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик приметил на зелёной ветке крошечную красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превесёлую песенку.

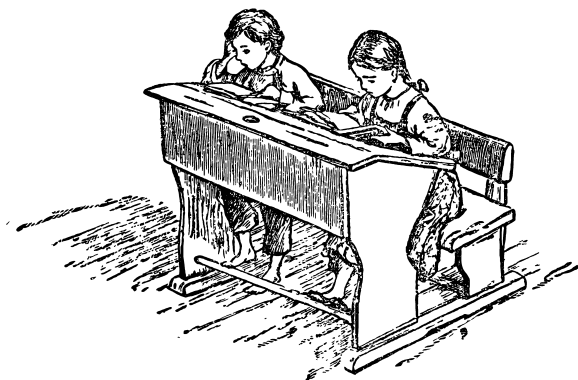
— Эй ты, весёлый запевала! — закричал малиновке мальчик. — Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать; поиграй же с нами.

— Как, — просвистала обиженная малиновка, — мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток? Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и те-

перь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаєте по роще, да ещё мешаєте другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал всё, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно: они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

К. Д. Ушинский

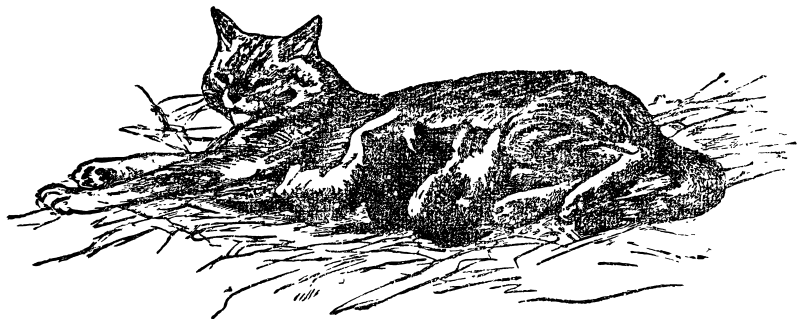

ЛГУН

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать: «Помогите, волк! волк!» Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: «Сюда, сюда скорей, волк!» Мужики подумали, что опять повсегдашнему обманывает, — не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Л. Н. Толстой

КОТЁНОК

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали — над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашёл? Нашёл?»

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

— Нашёл! наша кошка... и у неё котят; какие чудесные; иди сюда скорее!

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного

котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле

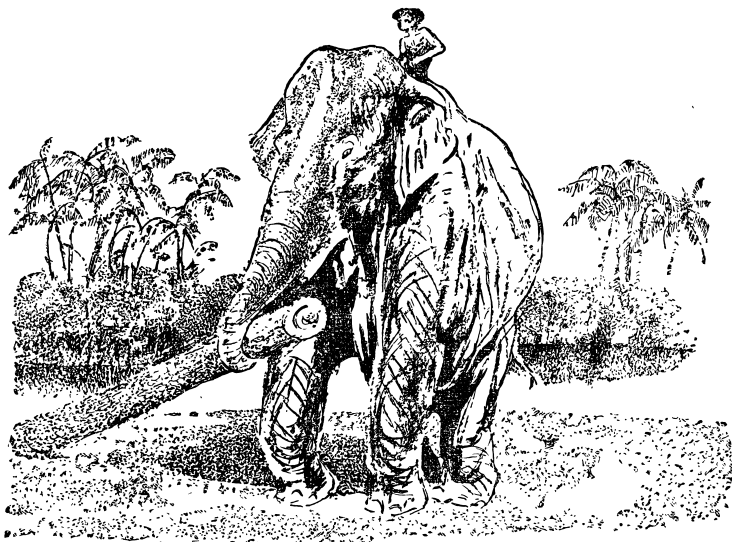
дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!», и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки — увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак, а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Л. Н. Толстой

СЛОН

У одного индейца был слон. Хозяин дурно кормил его и заставлял много работать. Один раз слон рассердился и наступил ногою на своего хозяина. Индеец умер.

Тогда жена индейца заплакала, принесла своих детей к слону и бросила их слону под ноги. Она сказала:

— Слон! Ты убил отца, убей и их.

Слон посмотрел на детей, взял хоботом старшего, потихоньку поднял и посадил его к себе на шею. И слон стал слушаться этого мальчика и работать для него.

Л. Н. Толстой

ПОЖАРНЫЕ СОБАКИ

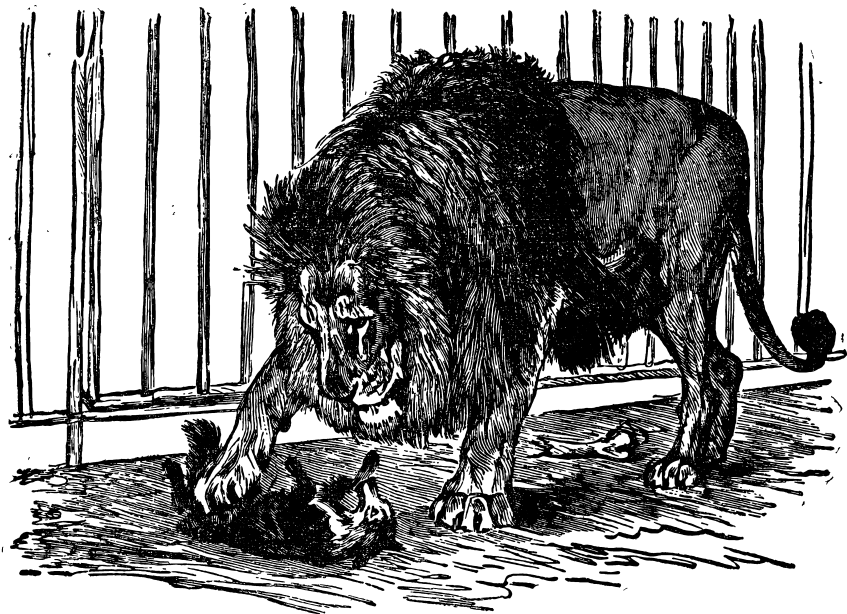
Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне¹ приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать де-

¹ Лондон — главный город Англии.

тей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; её звали Боб.

Один раз загорелся дом. И, когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыму. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашку нёс девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её — не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме ещё есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

М. Н. Толстой

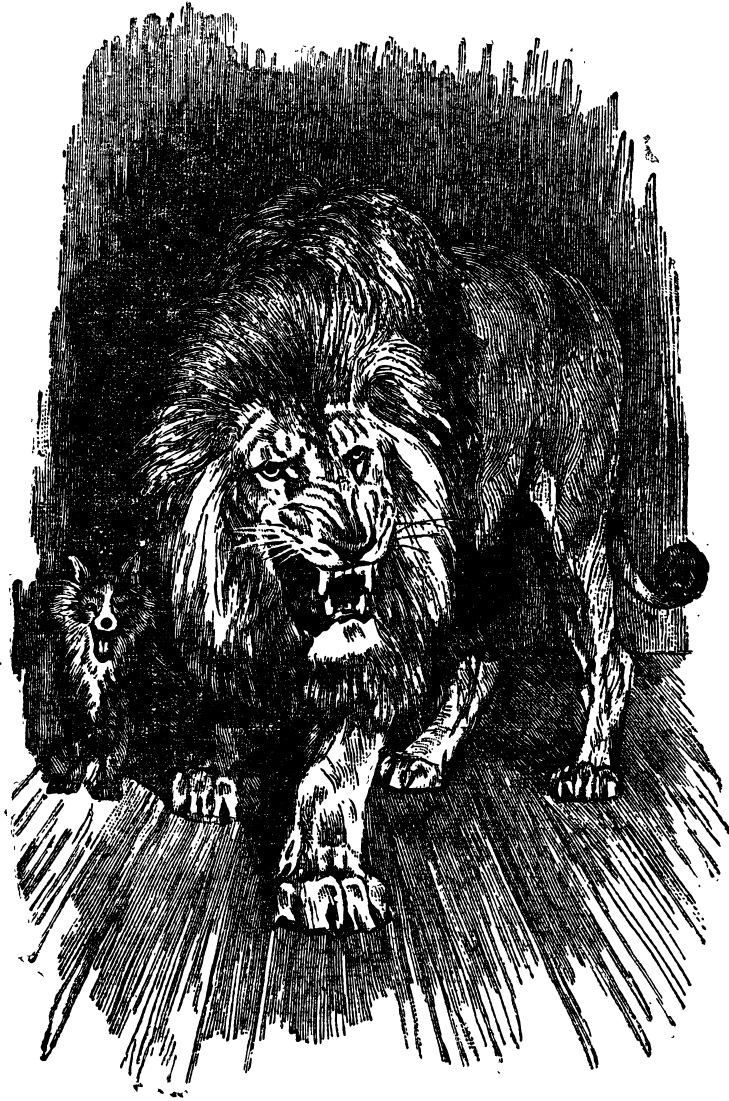

ЛЕВ И СОБАЧКА

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками: на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его впустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку к льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

*...Как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки,
лев ощерился и зарычал.*

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев оцетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

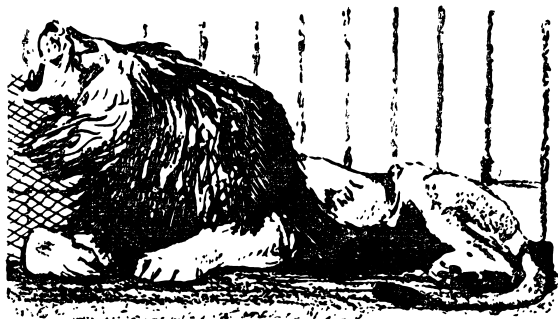
Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Л. Н. Толстой

ПЧЕЛА И МУХИ

Позднею осенью выдался славный денёк, какие и весною на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улёгся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с поблёкшими растениями. Вызванные из улья светом и теплом, мохнатые пчёлки, весело жужжа, перелетали с травки на травку, не за мёдом (его уже негде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

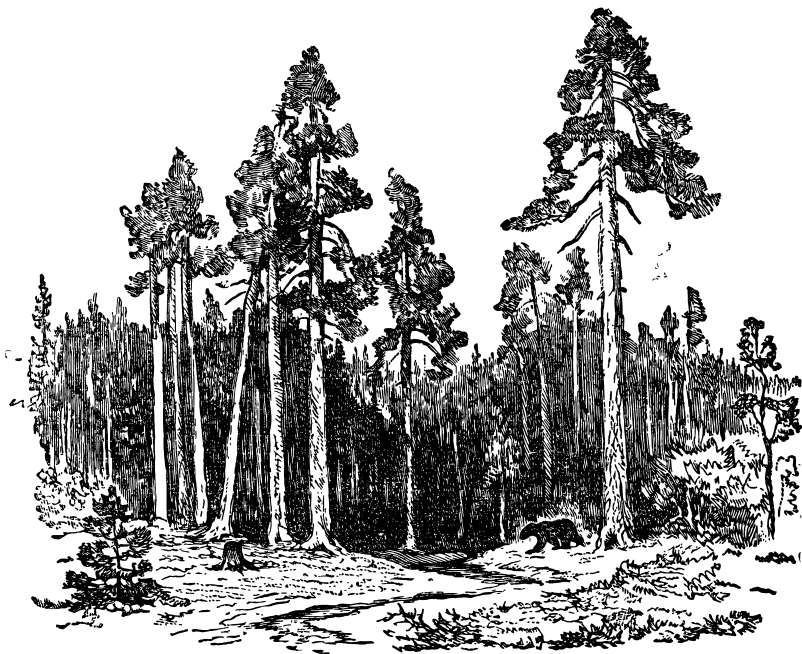
— Как вы глупы со своим весельем! — сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос. — Разве вы не знаете, что это

солнышко только на минуту и что, наверное, сегодня же начнётся ветер, дождь, холод и нам всем придётся пропасть.

— Зум-зум-зум! Зачем же пропадать? — отвечали мухе весёлые пчёлки. — Мы повеселимся, пока светит солнышко, а как наступит непогода, спрячемся в свой тёплый улей, где у нас за лето много припасено мёду.

К. Д. Ушинский

ЛЕС И РУЧЕЙ

Пробегая во влажной, лесной темноте, посреди болот и мхов, ручей жалобно роптал, что лес закрывает от него и ясное небо и далёкую окрестность, не пропускает к нему ни ясных лучей солнца, ни шаловливого ветерка.

— Хоть бы пришли люди и вырубili этот несносный лес! — журчал ручей.

— Дитя моё! — кротко отвечал ему лес, — ты ещё мал и не понимаешь, что

моя тень хранит тебя от иссушающего действия солнца и ветра и что без моей защиты быстро высохли бы твои ещё слабые струи. Погоди, наберись прежде силы под моей тенью, и тогда ты выбежишь на открытую равнину, но уже не слабым ручейком, а могучей рекою. Тогда, без вреда для себя, будешь отражать ты в своих струях блестящее солнце и ясное небо, будешь безопасно играть с могучим ветром.

К. Д. Ушинский

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЯБЛОНЬКИ

I

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первые листика. Из-промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки,

наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидел яблоньку и говорит:

— Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится.

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает:

«Пропала я совсем!»

Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать. Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхуш-

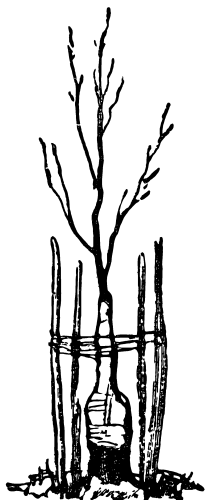
ку дерева, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони, закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепу колышками и ушёл.

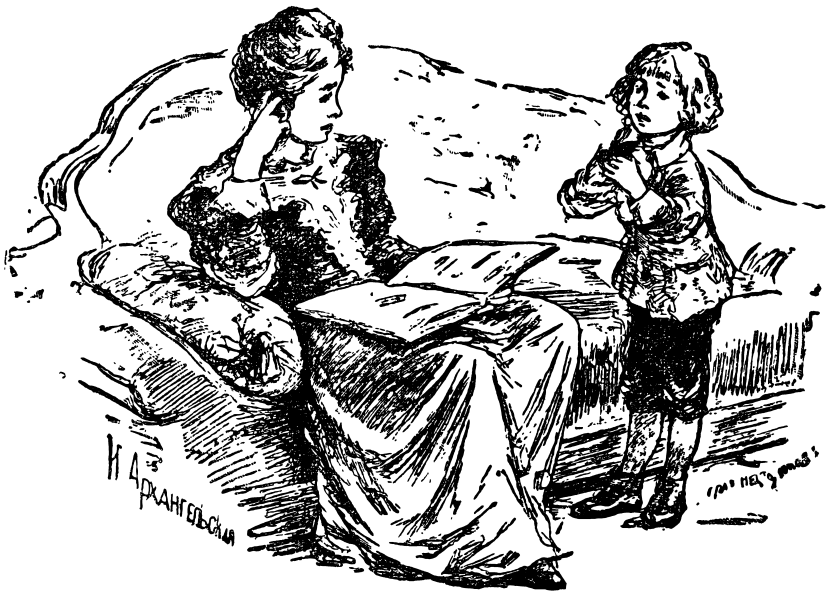
III

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой. Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, листок за листком; выгоняет побег за побегом, ве-

точку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами. Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки, да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые. И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

К. Д. Ушинский

ПТИЧКА

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтоб птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку. Мать говорит:

— Нехороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь?

— Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить!

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда — сетка захлопнулась, и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

— Мама! посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей! И как у него сердце бьётся!

Мать сказала:

— Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

— Нет, я его кормить и поить буду. Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменял ему воду. Мать ему и говорит:

— Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

— Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижики испугались, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидела, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

— Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чижики нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку, да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

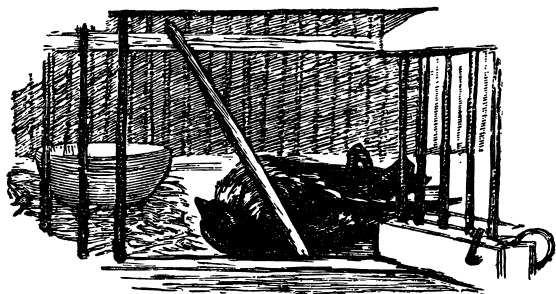
Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чижик был ещё жив, но лежал на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать.

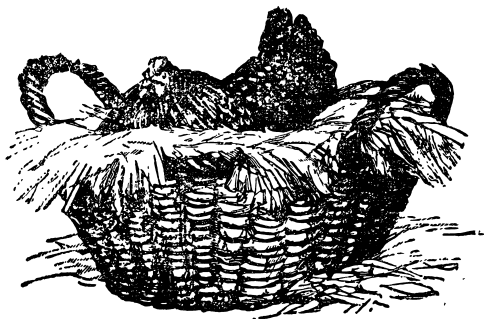
— Мама! что мне теперь делать?

— Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чирика, а чирик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чирик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть; всякий раз, как закрывал глаза, ему представлялся чирик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чирик уже лежит на спинке, поджал лапки и заостенел. С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Л. Н. Толстой

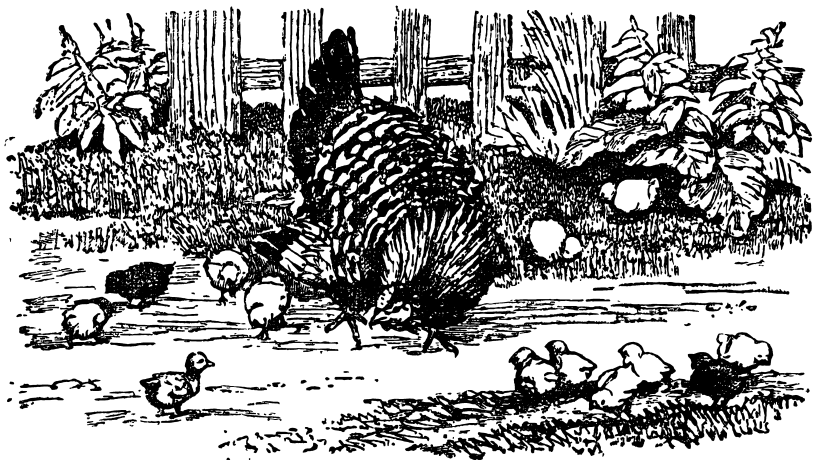
ЧУЖОЕ ЯИЧКО

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала тёмное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены тринадцать яиц, и усадила на них хохлатку.

Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и побольше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички, сбегает поклевать зёрнышек, попить водицы и опять на место: даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая, шипит, клохчет, даже петушку не даёт подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в тёмном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклёвываться, один за другим: проклю-

нет скорлупку носом, выскочит, отряхнётся и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыплёнок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел: кругленький, пушистый, жёлтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыплёнок, — думает курица, — и клюёт, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается». Подивилась курица своему цыплёнку, однако же какой ни на есть, а всё сын. И любит и бережёт его курица, как и прочих, а если завидит ястреба, то, распушивши перья и широко раздвинув

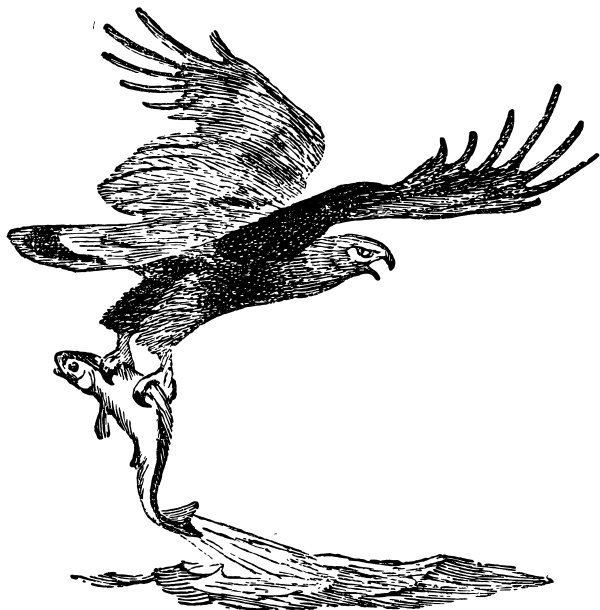

круглые крылья, прячет под себя своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: там-де червей больше и земля мягче. Как только коротконогий цыплёнок завидел воду, так прямо и кинулся в неё. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу, даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый ещё раз в своей жизни заорал сиплым голосом: «Ку-ку-ре-ку!» Помогите, мол, добрые люди! Братец тонет! Но братец не утонул, а превесело и легко, как клоч хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ахти, грех какой! Видно, это я со-слепу подложила утиное яйцо под курицу».

А курица так и рвалась к пруду: на-силу могли отогнать, бедную.

К. Д. Ушинский

ОРЕЛ

Орёл свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орёл подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камнями.

Орёл выронил рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёл сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёл устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, управлял им пёрышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали. Тогда орёл отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнее.

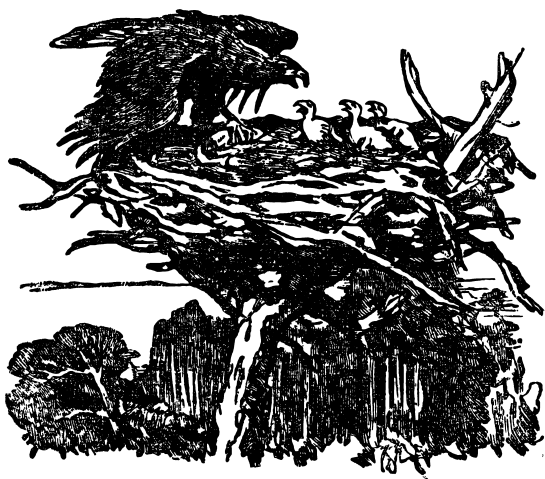
Тогда орёл вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю.

Он вернулся только поздно вечером; он летел тихо и низко над землёю, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёл разорвал рыбу и накормил детей.

Л. Н. Толстой

БАБУШКИН СКВОРЕЦ

Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила её говорить. Стоит, бывало, целый час перед клеткой на косяке окна — большой такой, добрый зверь — и густым голосом твердит перемчивой, чёрной, как уголь, птице:

— Ну, проси: скворушке — каши!

Скворец, скосив на неё круглый, живой глаз юмориста, стучит деревяшкой о тонкое дно клетки, вытягивает шею и

свистит иволгой, передразнивает сойку, кукушку, старается мяукнуть кошкой, подражает вою собаки, а человечесья речь не даётся ему.

— Да ты не балуй! — серьёзно говорит ему бабушка. — Ты говори: скворушке — кашки!

Чёрная обезьяна в перьях оглушительно орёт что-то похожее на слова бабушки, — старуха смеётся радостно, даёт птице просяной каши с пальца и говорит:

— Я тебя, шельму, знаю: притворяшка ты — всё можешь, всё умеешь!

И ведь выучила скворца: через некоторое время он довольно ясно просил каши, а завидя бабушку, тянул что-то похожее на

— Дра-астуй...

М. Горький

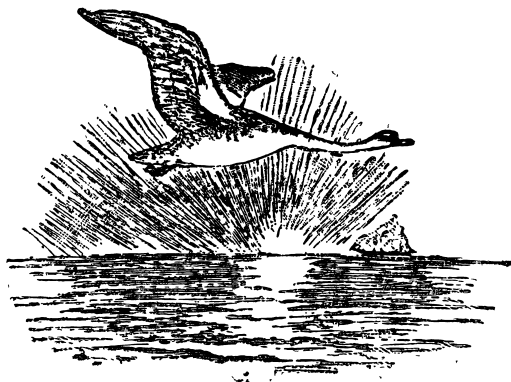

ЛЕБЕДИ

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь, и другой день и другую ночь они не отдыхая летели над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собою видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями, но не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл книзу. Он ближе и ближе спускался к воде, а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь опустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и

опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его. Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше, и, когда вода осталась далеко внизу его, он полетел вперёд, в ту сторону, где были тёплые страны. Он летел один над тайными водами туда, куда улетели его товарищи.

Л. Н. Толстой

АКУЛА

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный; с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно, и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

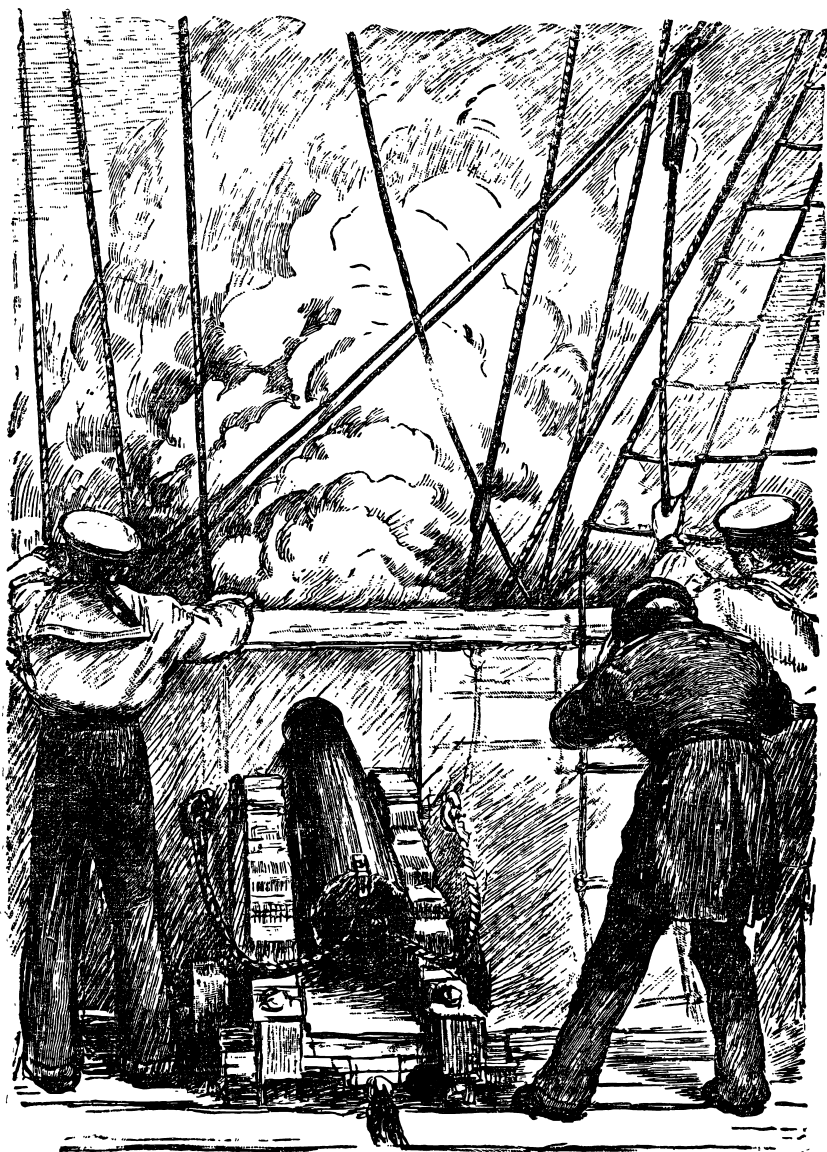
Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «Купаться!», и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

— Не выдавай! понатужься!

*Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали...
дым застлал нам глаза.*

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «Акула!», и все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — закричал артиллерист.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный как полотно, не шевелясь смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы к мальчикам, но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон слышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и наконец со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Л. Н. Толстой

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и, весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он

не мог усидеть на своей высокой, без-
опасной ветке... Сила, сильнее его воли,
сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился...
Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса
и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед
той маленькой героической птицей, перед
любвным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и
страха смерти. Только ею, только лю-
бовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургенев

СКАЗОЧКА ПРО КОЗЯВОЧКУ

I

Как родилась Козявочка, никто не видал.

Это был солнечный весенний день. Козявочка посмотрела кругом и сказала: — Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потёрла тонкие ножки одна о другую, ещё посмотрела кругом и сказала:

— Как хорошо!.. Какое солнышко

тёплое, какое небо синее, какая травка зелёная, — хорошо, хорошо!.. И всё моё!

Ещё потёрла Козявочка ножками и полетела. Летаёт, любитесь всем и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

— Козявочка, ко мне! — крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

— Какой ты добрый, цветочек! — говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

— Добрый-то добрый, да вот ходить не умею, — пожаловался цветочек.

— И всё-таки хорошо, — уверяла Козявочка. — И всё моё...

Не успела она ещё договорить, как с жужжанием налетел мохнатый Шмель — и прямо к цветочку:

— Жж... Кто забрался в мой цветочек? Жж... кто пьёт мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон! Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

— Позвольте, что же это такое? — запищала Козявочка. — Всё, всё моё...

— Жжж... Нет, моё!

Козявочка едва унесла ноги¹ от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась:

— Какой грубиян этот Шмель!.. Даже удивительно!.. ещё ужалить хотел... Ведь всё моё — и солнышко, и травка, и цветочки.

— Нет уж, извините, — моё! — проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелее:

— Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а со мной не спорьте!..

— Хорошо, хорошо... Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы народ легкомысленный², а я Червячок серьёзный... Говоря откровенно, мне всё принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До свиданья!..

¹ Едва унесла ноги — здесь: насилу, с трудом вырвалась, улетела.

² Легкомысленный — несерьёзный, малодумающий.

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно: что, кроме солнышка, синего неба и зелёной травки, есть ещё сердитые шмели, серьёзные червячки и разные колючки на цветах. Одним словом, получилось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что всё принадлежит ей и создано для неё, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит — вода.

— Уж это моё! — весело запищала она. — Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки.

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

— А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело... Ты недавно родилась?

— Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потом я видела Червяка...

Я думала, это всё моё, а они говорят, что всё ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружатся, летают, пищат. Наша Козявочка задышалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьёзного Червяка.

— Ах, как хорошо! — шептала она в восторге. — Всё моё: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся, решительно не понимаю. Всё моё, а я никому не мешаю жить: летайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осоку. Надо же и отдохнуть, в самом деле! Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг, откуда ни возьмись, воробей — как шмыгнёт мимо, точно кто камень бросил.

— Ай, ой! — закричали козявочки и бросились врассыпную¹.

Когда воробей улетел, недосчитались целого десятка козявочек.

— Ах, разбойник! — бранились старые козявочки. — Целый десяток съел.

¹ В рассыпную — в разные стороны.

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками ещё дальше в болотную траву. Но здесь другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух — лягушка.

— Что же это такое? — удивлялась Козявочка. — Это уже совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много и убыли никто не замечал. Да ещё прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

— Всё наше... Всё наше...

— Нет, не всё наше! — крикнула им наша Козявочка. — Есть ещё сердитые шмели, серьёзные червяки, гадкие воробьи, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались в камышах, где было так тепло. Высыпали звёзды на небе, взошёл месяц, и всё отразилось в воде.

Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звёзды», — думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

Так прожила Козявочка целое лето.

Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза её чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка, — мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку, с мохнатыми усиками. Та и говорит:

— Какая ты хорошенькая, Козявочка... Будем жить вместе.

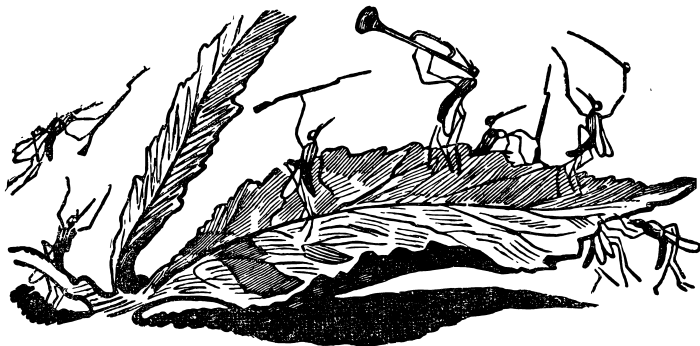
И зажили вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яичек, спрятала их в густой траве и сказала:

— Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла.

Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

СКАЗКА ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА — ДЛИННЫЙ НОС И ПРО МОХНАТОГО МИШУ — КОРОТКИЙ ХВОСТ

1

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович — Длинный Нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. Ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат, — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг

в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил...

Комар Комарович — Длинный Нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй, вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел.

Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз —

едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться: «Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит».

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

2

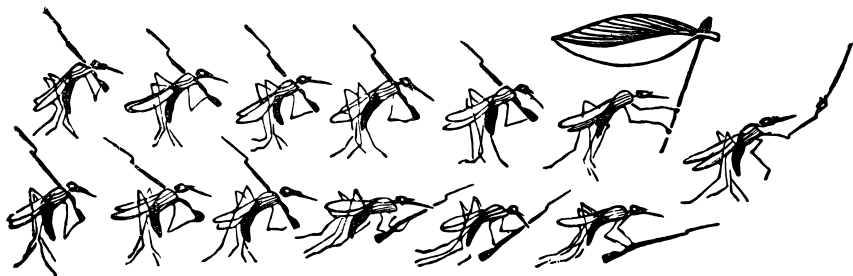
Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

— Ловко я напугал Мохнатого Мишку... В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если

не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: «Съем». Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили — как им быть с невежей-медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили выгнать медведя из болота.

— Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше.. Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится — сам уйдёт; но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идём, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем... Да!..

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! — хвастался Комар Комарович. — Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

— Да он спит, братцы, — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. — Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало!..

А Мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. — Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил. Хватать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один Комар Комарович — Длинный Нос, а прилетели со

мною и дедушка, Комарище — Длинный Носище, и младший брат, Комаришка — Длинный Носишко! Уходи, дядя!..

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех передавлю!..

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя...

3

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров, — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Ми-

ша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом, вьётся, а хватит медведь лапой — и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку, — давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох, — вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Постойте, вот я вам задам!.. — ревел он так, что за пять вёрст было слышно. — Я вам покажу штуку... Я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвётся с сука точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?..

Ещё тоньше засмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем... Я тебя съем... съем... съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит! — обрадовался медведь. — Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович — Длинный Нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили:

— Не стоит! Пусть его уходит, — ведь болото-то осталось за нами!

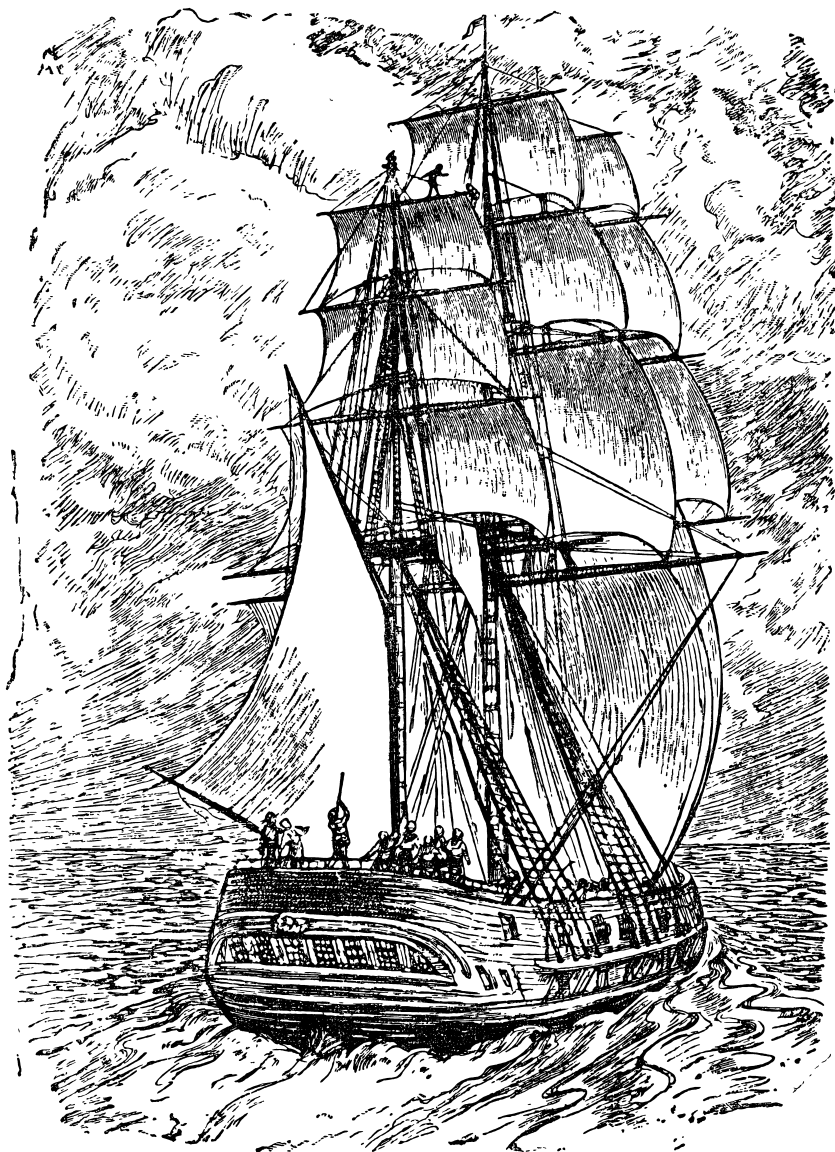
Д. Н. Мамин-Сибиряк

ПРЫЖОК

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было, она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а

*...Обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого
верха.*

мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

— Так не уйдёшь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой¹ за верёвку, повесила шля-

¹ Обезьяны могут брать предметы и задней конечностью, поэтому их часто называют четверорукими.

пу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина¹ два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину.

¹ Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывала обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился об палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты.

Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха.

Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

— В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

Мальчик шатался, но не понимал.

— Прыгай, или застрелю!.. Раз, два...

И как только отец крикнул «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Л. Н. Толстой

СЕРАЯ ШЕЙКА

1

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привёл всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь, и все имели такой серьёзный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч вёрст... Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей, — вообще было о чём серьёзно подумать.

Серьёзная, большая птица, как лебеди, гуси и утки, собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие

птички, как кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял тёмный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

— И куда эта мелочь торопится! — ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. — В своё время все улетим... Не понимаю, о чём тут беспокоиться!

— Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, — объяснила его жена, старая Утка.

— Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем доволь-

на своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

— Ты смотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, — люблю на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

— Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь — глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще моё правило — не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живёт по-своему.

Селезень любил серьёзные рассуждения, причём оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умён и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

— Какой ты отец? — накинулась она на мужа. — Отцы заботятся о детях, а тебе — хоть трава не расти!..

— Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло ещё весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утёнка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утёнка; но одно крылышко оказалось сломанным.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят, а она останется одна-одинёшенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мёрзнуть... Ведь она наша дочь, и как я её люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

— А другие дети?

— Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил её, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замёрзнет, — жаль, конечно, а всё-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях.

Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьёзно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере её материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, — ведь всё равно она должна погибнуть зимою.

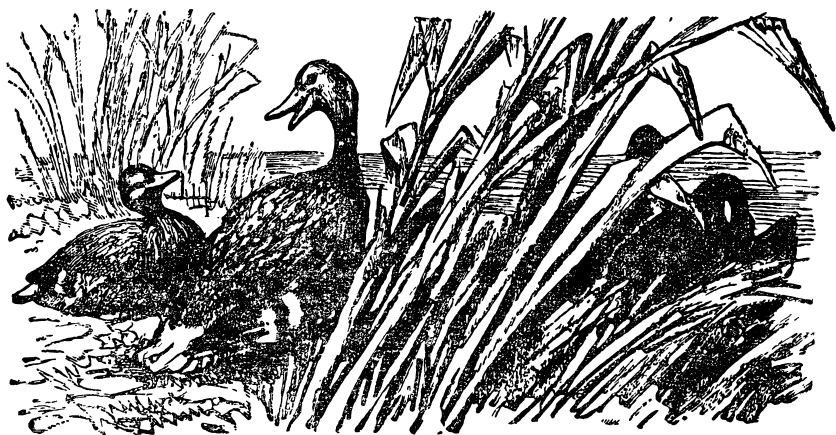
2

Старая Утка ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедняжка ещё не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что её братья и сёстры так весело собираются к отлёту, что они будут где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

— Ведь вы весной вернётесь? — спрашивала Серая Шейка у матери.

— Да, да, вернёмся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

— Как-нибудь, милая, пробьёшься, — успокаивала старая Утка. — Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на тёплый ключ, что и зимой не замерзает, — совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

— Я буду всё время думать о вас... — повторяла бедная Серая Шейка. — Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам?.. Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться весёлой и плакала потихоньку от всех. Ах, как ей было

жаль милой бедненькой Серой Шейки... Других детей она теперь почти не замечала, не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время!.. Был уже целый ряд холодных утренников, а от инея пожелтели берёзки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и сама река казалась больше, потому что берега оголели, — береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжёлыми осенними облаками, ронявшими мелкий осенний дождь. Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелётной птицы... Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали замерзать. Дольше всех оставались водоплавающие.

Серую Шейку больше всего огорчал перелёт журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали её с собой. У неё ещё в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо!» — думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлёту. Отдельные гнёзда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодёжь с весёлым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далёкого перелёта. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости!.. Одна Серая Шейка не могла принимать участие в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для неё составляла всё.

— Нужно отправляться... пора! — говорили старики вожаки. — Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода ещё была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трёхсот штук. Слышно было только кряканье главных вожаков.

Старая Утка не спала всю ночь: это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

— Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, — советовала она. — Там вода не замёрзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая... Да, все были так заняты общим отлётом, что на неё никто не обращал внимания.

У Старой Утки изболелось всё сердце, глядя на бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

— Ну, трогай! — громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетающий косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? — думала Серая Шейка, заливаясь слезами. — Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела...»

3

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днём тонкий, как стекло, лёд таял.

«Неужели вся река замёрзнет?» — думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестёр. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про неё? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всём. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

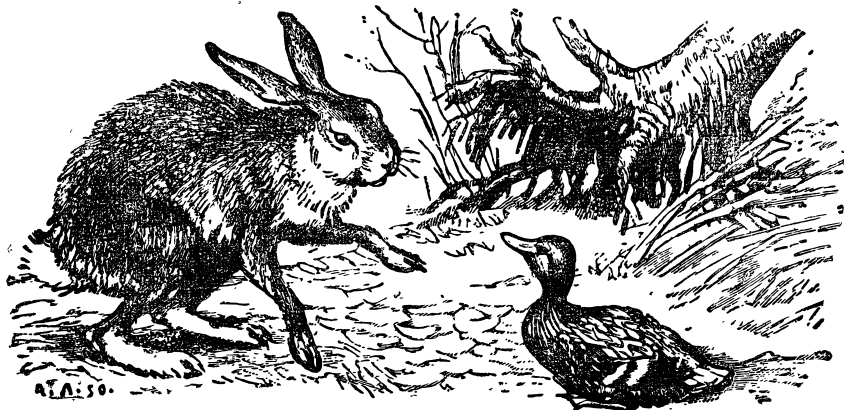
— Ах, как ты меня напугала, глупая! — проговорил Заяц, немного успокоившись. — Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

— Я не могу летать. Лиса мне крылышко перекусила, когда я ещё была совсем маленькой...

— Уж эта мне Лиса! Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается. Ты берегись её, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

— Если бы мне крылья, как птице,

так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмёшь и нырнёшь в воду, — говорил он. — А я постоянно дрожу со страху. У меня — кругом враги. Летом ещё можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё ещё не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные звёздные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать её льдом сонную.

Так и случилось.

Была тихая-тихая звёздная ночь. Тихо

стоял тёмный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным, искрившимся светом.

Бурлившая днём, горная река при-
смирела, и к ней тихо-тихо подкрался
холод, крепко-крепко обнял гордую, не-
покорную красавицу и точно прикрыл её
зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, пото-
му что не замёрзла только самая середи-
на реки, где образовалась широкая по-
лынья¹. Свободного места, где можно
было плавать, оставалось не больше пят-
надцати сажен².

Огорчение Серой Шейки дошло до
последней степени, когда на берегу пока-
залась Лиса, — это была та самая Лиса,
которая переломила ей крыло.

— А, старая знакомая, здравствуй! —
ласково проговорила Лиса, останавлива-
ясь на берегу. — Давненько не вида-
лись... Поздравляю с зимой.

— Уходи, пожалуйста, я совсем не

¹ Полынья — незамёрзшее место на реке зимой.

² Сажень — мера длины, равная трём аршинам (2,13 м).

хочу с тобой разговаривать, — ответила Серая Шейка.

— Это за мою-то ласку! Хороша же ты. нечего сказать! А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока — до свиданья.

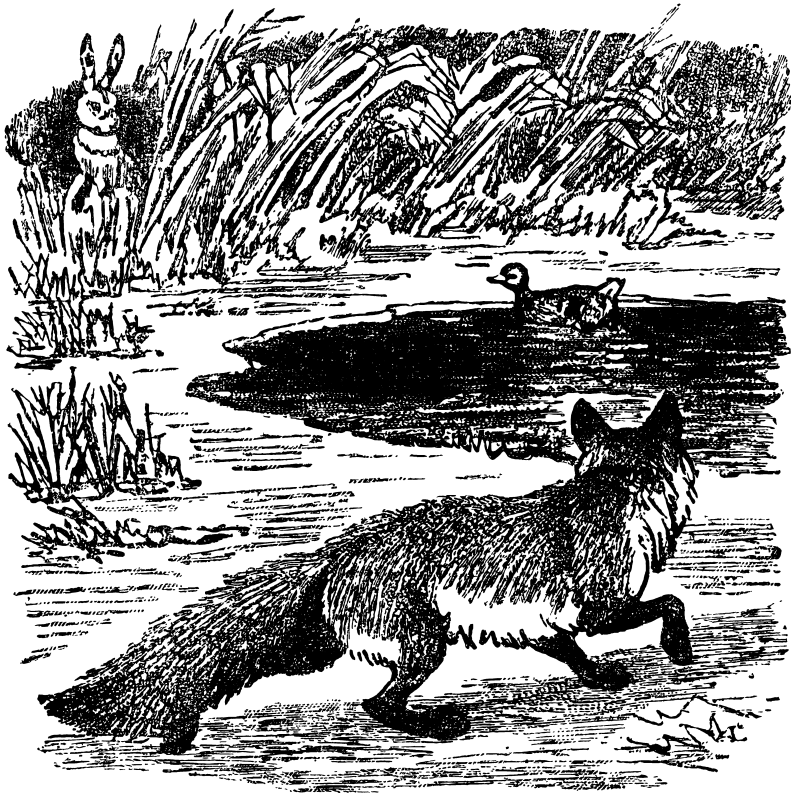
Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

— Берегись, Серая Шейка: она опять придёт.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом неё чудесами.

Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного тёмного пятнышка. Даже голые берёзы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались ещё важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорожную тёплую шубу.

Да, чудно хорошо было кругом; а бедная Серая Шейка знала только одно: что эта красота — не для неё, и трепетала при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деться.

Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда, а не хочешь, так я сама к тебе приду. Я не спесива.

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что

там лёд был ещё очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

— Какая ты глупая, уточка!.. Вылезай на лёд! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам.

Лиса начала приходить каждый день — проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали своё дело. От большой полыньи оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лёд был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

— Ах, какая бессовестная эта Лиса! Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест её Лиса...

4

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замёрзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц

всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а всё-таки весело.

— Братцы, берегитесь! — крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, тёплая старухе шуба будет!» — соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес, как сумасшедшие.

— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот ужо я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мёрзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы сигать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

— Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! — думал он вслух. — Ну, вот отдохну и пойду искать другую...

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, Лиса по реке ползёт — так и ползёт, точно кошка.

— Ге-ге, вот так штука! — обрадовался старичок. — К старухиной-то шубе воротник сам ползёт... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду.

Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так её застрелить, чтобы воротника не испортить, — соображал старик, прицеливаясь в Лису. — А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьёшь».

Старичок долго прицеливался, выби-

рая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду, — и со всех ног кинулся к полынье. По дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, то только развёл руками: воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну и хитёр зверь!

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе!.. Что же я теперь буду делать, а? Ну и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая! Да ведь ты замёрзнешь тут или Лиса тебя съест! Да...

Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

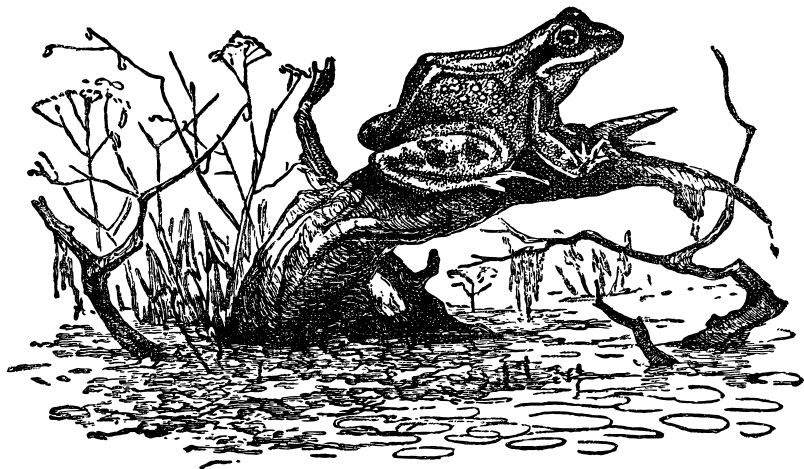
— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам отнесу. Вот-то обрадуются! А весной ты старухе яичек нанесёшь да утятку выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая!

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, — соображал он, направляясь домой. — Пусть её шуба с воротником вместе ещё погуляет в лесу. Главное — внучки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замёрзнет.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весной громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунившейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил по её пёстренькой лакированной спинке; капли его подтека-

ли ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакают, — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить своё лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью, — раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь ещё далеко, надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть её, большую и толстую квакушку, но, всё-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она реши-

лась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка. — Уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка, — что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные, тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. — Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка. — Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

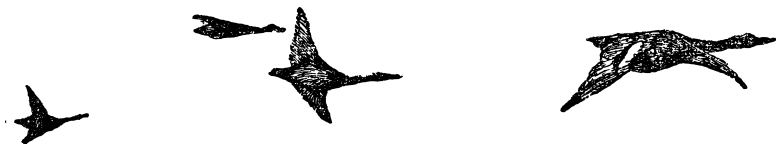
— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! Кря, кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка, — я сейчас вернусь, я, наверно, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в неё, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прикреплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хотя бы и лёгкую лягушку три тысячи вёрст¹ не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да пол-

¹ Вёрста́ — мера длины, равная 1,06 км.

столька, да четверть столька, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую её подняли; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не отор-

ваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они, — даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день; нёсшие её утки переменились на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с

зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь.

Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже.

На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

— Смотрите, смотрите! — кричали дети в одной деревне. — Утки лягушку несут!

Лягушка слышала это, и у неё прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали в другой деревне взрослые. — Вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во всё горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живёте, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели её.

В. М. Гаршин

МЕДВЕДКО

— Барин, хотите вы взять медвежонка? — предлагал мне мой кучер Андрей.

— А где он?

— Да у соседей... Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трёх... Забавный зверь, одним словом.

— Зачем же соседи отдают, если он славный?

— Кто их знает... Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживёт, а там увидим, что с ним делать.

Сказано — сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принёс крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырёх ногах и ещё забавнее тарасила такие милые, синие глазёнки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а, напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришёл домой. Он спокойно всё осмотрел, обошёл вокруг стен, всё обнюхал, кое-что попробовал своей чёрной лапкой и, кажется, нашёл, что всё в порядке.

Мои гимназисты¹ наташили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал всё как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал всё с необыкновенной комичной важностью.

— Медведко, хочешь молочка?

¹ Гимназист — ученик гимназии, средней школы в царской России.

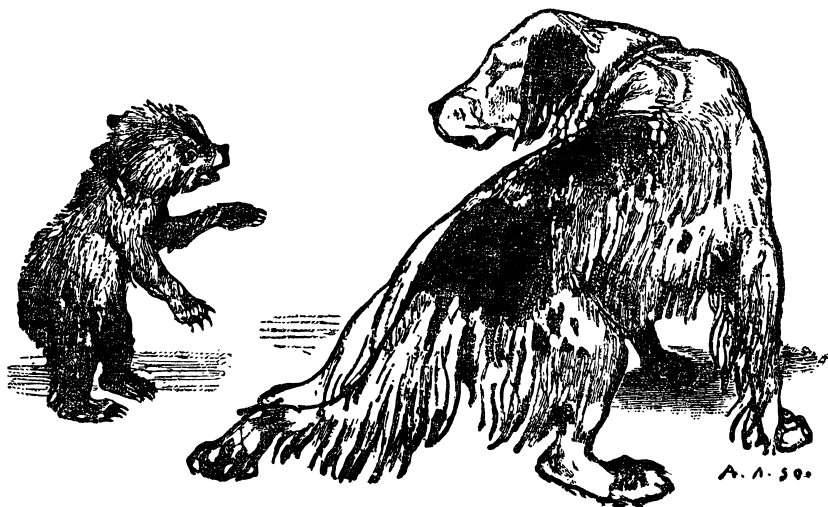
— Медведко, вот сухарики...

— Медведко!..

Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ощетинилась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть эту картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазёнками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросалась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя — эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на неё как ни в чём не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его, если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согла-

сия, и подвигалась вперёд медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только ещё сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силён, потому что собака отскочила и завизжала.

— Вот так молодец Медведко! — одобрили гимназисты. — Такой маленький и ничего не боится...

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котёнок.

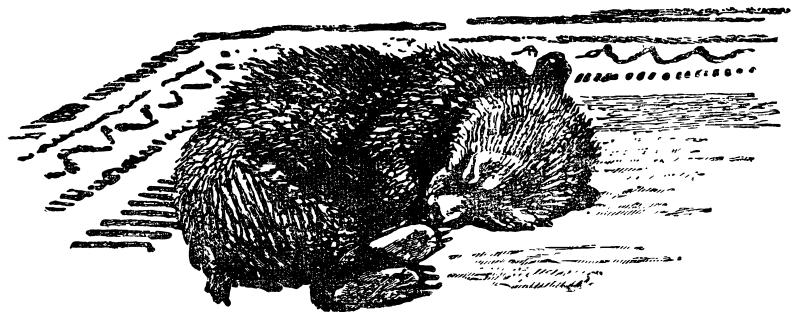
— Ах, какой он милый! — повторили гимназисты в один голос. — Мы его оставим у нас жить... Он такой маленький и ничего не может сделать.

— Что ж, пусть его поживёт, — согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим чёрным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребёнок.

* * *

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику — как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, всё желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отво-

рять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение одного дня он обошёл решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонок у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать. Не прошло четверти часа, как я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел её отворить. Я оттащил его раз и

уложил на старое место. Не прошло полчаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса — то же...

Наконец мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонка в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причём медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнёс в гостиную. Эта возня мне начинала надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано. Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошёл, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом всё сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своём обычном месте в передней.

— Ну и зверина! — удивлялся кучер Андрей, разнимая воевавших.

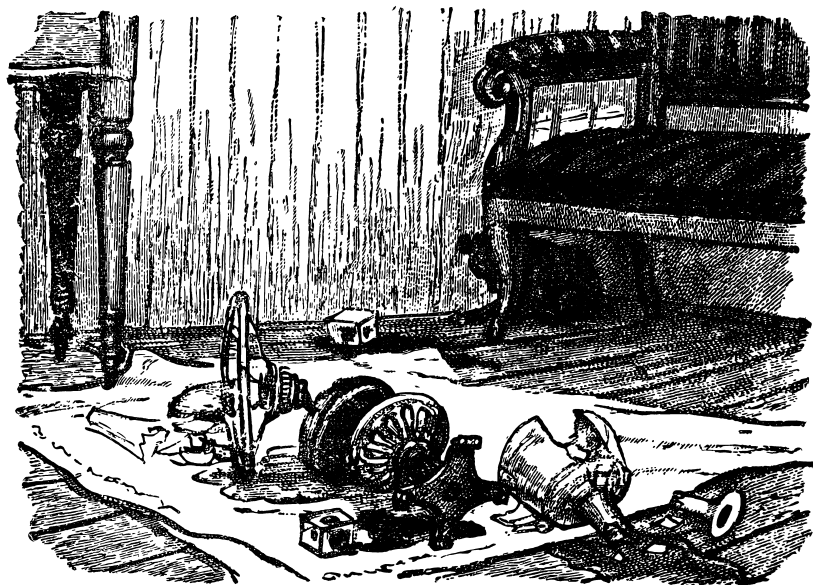
— Куда его мы теперь денем? — думал я вслух. — Он никому не даст спать целую ночь.

— А к гимназистам, — посоветовал Андрей. — Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещён в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже часа два ночи, когда весь дом успокоился. Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что-то невероятное... Когда я прибежал в эту комнату и зажёл спичку, всё объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеёнкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеёнки, ухватил её зубами, упёрся лапами в ножку и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеёнку, вместе с ней — лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще всё, что было разложено на столе. В резуль-

тате — разбитая лампа, разбитый графин, розлиты по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

— Что мы будем делать с этим разбойником? — взмолился я. — Это всё ты, Андрей, виноват.

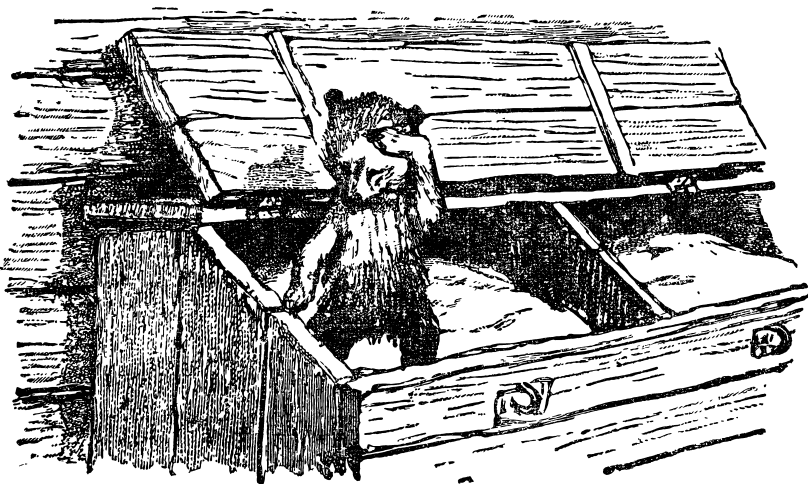
— Что же я, барин, сделал? — оправдывался кучер. — Я только сказал про

медвежонок, а взяли-то вы. И гимназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принёс новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыплёнка и задавил его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыплёнка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кро-

ме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжёлую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке. Огорчённая кухарка даже расплакалась и стала требовать расчёта.

— Житья нет от поганого зверя, — объясняла она. — Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать... муку бросить... Нет, пожалуйста, барин, расчёт.

* * *

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашёлся знакомый, который его взял.

— Помилуйте, какой милый зверь! — восхищался он. — Дети будут рады... Для них это — настоящий праздник. Право, какой милый!

— Да, милый... — соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришёл в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвра-

тил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте ещё больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложённый молодой лошадыю, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принёс мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

— Что же мы будем с ним делать? — взмолился я, обращаясь к кучеру. — Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

На наше счастье, нашёлся какой-то охотник, который взял его с удовольствием...

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ЖЕЛТУХИН

Желтухин сидел на кустике травы, на припёке, в углу, между крыльцом и стеной дома, и с ужасом глядел на подходившего Никиту.

Голова у Желтухина была закинута на спину, клюв с жёлтой во всю длину полосой лежал на толстом зобу. Весь Желтухин нахохлился, подобрал под живот ноги. Никита нагнулся к нему, он разинул рот, чтобы напугать мальчика. Никита положил его между ладонями. Это был ещё серенький скворец, — попытался, должно быть, вылететь из гнезда, но не сдержали неумелые крылья, и он упал и забился в угол, на прижатые к земле листья одуванчика.

У Желтухина отчаянно билось сердце. «Ахнуть не успеешь, — думал он, — сейчас слопают». Он сам знал хорошо, как нужно лопать червяков, мух и гусениц.

Мальчик поднёс его ко рту. Желтухин закрыл плёнкой чёрные глаза, сердце запрыгало под перьями. Но Никита только подышал ему на голову и понёс в дом: значит, был сыт и решил съесть Желтухина немного погодя.

Александра Леонтьевна, увидев скворца, взяла его так же, как и Никита, в ладони и подышала на головку.

— Совсем ещё маленький, бедняжка, — сказала она, — какой желторотый, Желтухин.

Скворца посадили на подоконник раскрытого в сад и затянутого марлей окна. Со стороны комнаты окно также до половины занавесили марлей. Желтухин сейчас же забился в угол, стараясь показать, что дёшево не продаст жизнь.

Снаружи, за белым дымком марли, шелестели листья, дрались на кусту презренные воробьи — воры, обидчики. С другой стороны, тоже из-за марли, глядел Никита; глаза у него были большие,двигающиеся, непонятные, очаро-

ывающие. «Пропал, пропал», — думал Желтухин.

Но Никита так и не съел его до вечера, только напустил за марлю мух и червяков. «Откармливают, — думал Желтухин и косился на красного безглазого червяка, — он, как змей, извивался перед самым носом. — Не стану его есть, червяк не настоящий, обман».

Солнце опустилось за листья. Серый, сонный свет затягивал глаза, — всё крепче вцеплялся Желтухин коготками в подоконник. Вот глаза ничего уже не видят. Замолкают птицы в саду. Сонно, сладко пахнет сыростью и травой. Всё глубже уходит голова в перья. Нахохлившись сердито — на всякий случай, — Желтухин качнулся немного вперёд, потом на хвост и заснул.

Разбудили его воробьи — безобразничали, дрались на сиреновой ветке. В сереньком свете висели мокрые листья. Сладко, весело, с пощёлкиванием засвистал вдалеке скворец. «Сил нет — есть хочется, даже тошнит», — подумал Желтухин и увидел червяка, до половины залезшего в шёлку подоконника, подскокил к нему, клюнул за хвост, вытащил,

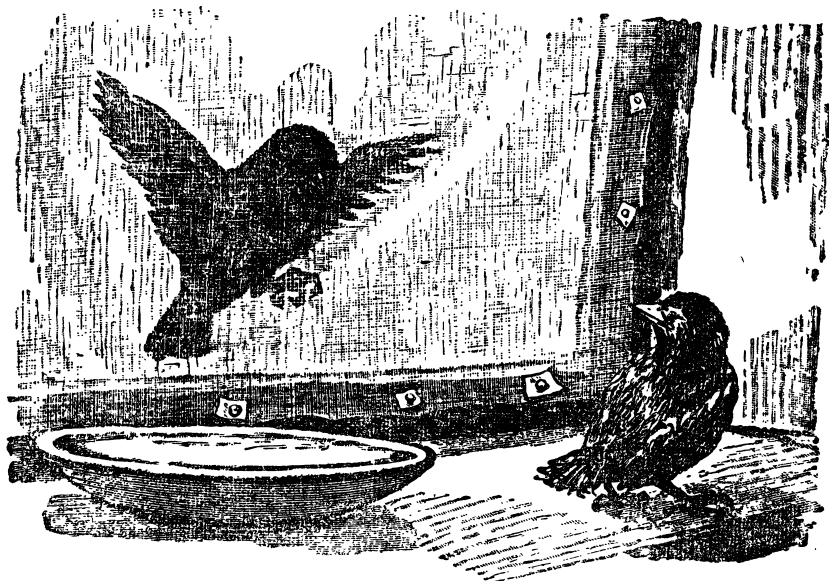
проглотил: «Ничего себе, червяк был вкусный».

Свет становился синее. Запели птицы. И вот сквозь листья на Желтухина упал тёплый яркий луч солнца. «Поживём ещё», — подумал Желтухин, подскочив, клюнул муху, проглотил.

В это время загремели шаги, подошёл Никита и просунул за марлю огромную руку; разжав пальцы, высыпал на подоконник мух и червяков. Желтухин в ужасе забился в угол, растопырил крылья, глядел на руку, но она повисла над его головой и убралась за марлю, и на Желтухина снова глядели странные, засасывающие, переливающиеся глаза.

Когда Никита ушёл, Желтухин оправился и стал думать: «Значит, он меня не съел, а мог. Значит, он птиц не ест. Ну, тогда бояться нечего».

Желтухин сытно покушал, почистил носиком перья, попрыгал вдоль подоконника, глядя на воробьёв, высмотрел одного старого, с драным затылком, и начал его дразнить, вертеть головой, пересвистывать: «Фюють, чилик-чилики, фюють». Воробей рассердился, распушился и с разинутым клювом кинулся к Желтухи-

ну, — ткнулся в марлю. «Что, достал, вот то-то», — подумал Желтухин и вразвалку заходил по подоконнику.

Затем снова появился Никита, просунул руку, на этот раз пустую, и слишком близко поднёс её. Желтухин подпрыгнул, изо всей силы клюнул его в палец, отскочил и приготовился к драке. Но Никита только разинул рот и закричал: «Ха-ха-ха».

Так прошёл день, — бояться было нечего, еда хорошая, но скучновато. Желтухин едва дождался сумерек и выпался в эту ночь с удовольствием.

Наутро, поев, он стал выглядывать,

как бы выбраться из-за марли. Обошёл всё окошко, но щёлки нигде не было. Тогда он прыгнул к блюдечку и стал пить, — набирал воду в носик, закидывал головку и глотал, — по горлу катился шарик.

День был длинный. Никита приносил червяков и чистил гусиным пером подоконник. Потом лысый воробей вздумал подраться с галкой, и она так его ткнула, — он камешком нырнул в листья, глядел оттуда ощетинаясь.

Прилетела зачем-то сорока под самое окно, трещала, суетилась, трясла хвостом, ничего путного не сделала.

Долго, нежно пела малиновка про горячий солнечный свет, про медовые кашки, — Желтухин даже загрустил, а у самого так и клокотало в горлышке, хотелось запеть, — но где, не на окошке же, за сеткой!..

Он опять обошёл подоконник и увидел ужасное животное: оно шло, кралось на мягких коротких лапах, животом ползло по полу. Голова у него была круглая, с редкими усами дыбом, а зелёные глаза, узкие зрачки горели дьявольской злобой. Желтухин даже присел, не шевелился.

Кот Василий Васильевич мягко подпрыгнул, впился длинными когтями в край подоконника — глядел сквозь марлю на Желтухина и раскрыл рот... Господи! Во рту, длиннее Желтухиного клюва, торчали клыки... Кот ударил короткой лапой, рванул марлю... У Желтухина нырнуло сердце, отвисли крылья... Но в это время — совсем вовремя — появился Никита, схватил кота за отставшую кожу и швырнул к двери. Василий Васильевич обиженно взвыл и убежал, волоча хвост.

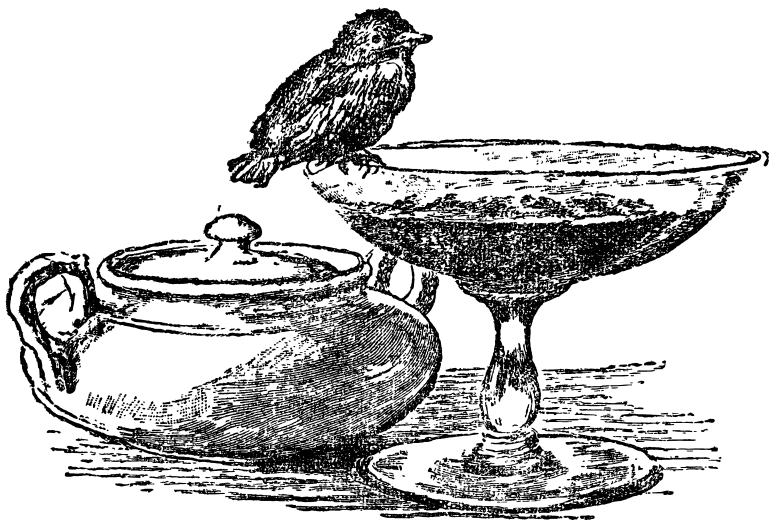
«Сильнее Никиты нет зверя», — думал после этого случая Желтухин, и, когда опять подошёл Никита, он дал себя погладить по головке, хотя со страху всё же сел на хвост.

Кончился и этот день. Наутро совсем весёлый Желтухин опять пошёл осматривать помещение и сразу же увидел дыру в том месте, где кот рванул марлю когтем. Желтухин просунул туда голову, осмотрелся, вылез наружу, прыгнул в текущий лёгкий воздух и, мелко-мелко трепеща крылышками, полетел над самым полом.

В дверях он поднялся и во второй

комнате, у круглого стола, увидел четырёх людей. Они ели, — брали руками большие куски и клали их в рот. Все четверо обернули головы и, не двигаясь, глядели на Желтухина. Он понял, что нужно остановиться в воздухе и повернуть назад, но не мог сделать этого трудного, на всём лету, поворота, — упал на крыло, перевернулся и сел на стол,

между вазочкой с вареньем и сахарницей... И сейчас же увидел перед собой Никиту. Тогда, не раздумывая, Желтухин вскочил на вазочку, а с неё — на плечо Никиты и сел, нахохлился, даже глаза до половины прикрыл плёнками.

Отсидевшись у Никиты на плече, Желтухин вспорхнул под потолок, поймал муху, посидел на фикусе в углу, покружился под люстрой и, проголодавшись, полетел к своему окну, где были приготовлены для него свежие червяки.

Перед вечером Никита поставил на подоконник деревянный домик с кры-

лечком, дверкой и двумя окошечками. Желтухину понравилось, что внутри домика темно, он прыгнул туда, повернулся и заснул.

А тою же ночью, в чулане, кот Василий Васильевич, запертый под замок за покушение на разбой, орал хриплым мявом и не хотел даже ловить мышей, — сидел у двери и мяукал так, что самому было неприятно.

Так в доме, кроме кота и ежа, стала жить третья живая душа — Желтухин. Он был очень самостоятелен, умён и предприимчив. Ему нравилось слушать, как разговаривают люди, и, когда они садились к столу, он вслушивался, нагнув головку, и выговаривал певучим голоском: «Саша», — и кланялся. Александра Леонтьевна уверяла, что он кланяется именно ей. Завидев Желтухина, матушка всегда говорила ему: «Здравствуй, здравствуй, птицын серый, энергичный и живой». Желтухин сейчас же вскакивал матушке на шлейф¹ платья и ехал за ней, очень довольный.

¹ Шлейф — длинный, волочащийся сзади подол женского платья.

Так он прожил до осени, вырос, покрылся чёрными, отливавшими вороньим крылом перьями, научился хорошо говорить по-русски, почти весь день жил в саду, но в сумерки неизменно возвращался в свой дом на подоконник.

В августе его сманили дикие скворцы в стаю, обучили летать, и, когда в саду стали осыпаться листья, Желтухин — чуть зорька — улетел с перелётными птицами за море, в Африку.

А. Н. Толстой

ТЁМА И ЖУЧКА

Тёма вспомнил, что целый день не видал своей Жучки. Жучка никогда никуда не отлучалась.

Тёме пришли вдруг в голову таинственные недружелюбные намёки Акима, не любившего Жучку за то, что она таскала у него провизию. Подозрение закралось в его душу...

Куда могла деваться Жучка?

Перед ним живо рисовалась Жучка, тихая, безобидная Жучка, и мысль, что её могли убить, наполнила его сердце такой горечью, что он не выдержал, отворил окно и стал звать изо всей силы:

— Жучка, Жучка! На, на, на! Цу-цу!
Цу-цу! Фью, фью, фью!

В комнату ворвался шум дождя и свежий сырой воздух. Жучка не отзывалась...

Мысль, что он больше не увидит своей курчавой Жучки, не увидит больше, как она при его появлении будет жалостно визжать и ползти к нему на брюхе, мысль, что, может быть, уже больше её нет на свете, переполняла душу Тёмы отчаянием, и он тоскливо продолжал кричать:

— Жучка! Жучка!

Голос его дрожал и вибрировал, звучал так нежно и трогательно, что Жучка должна была отозваться.

Но ответа не было.

Что делать? Надо немедленно искать Жучку...

Тёма спустился по лестнице, которая вела на кухню, осторожно пробрался мимо дверей, узким коридором достиг выхода, некоторое время постоял в раздумье и выбежал во двор.

Осмотрев чёрный двор, он заглянул во все любимые закоулки Жучки, но Жучки нигде не было...

Ночь. Тёма спит нервно и возбуждённо...

Неясный полусвет ночника слабо освещает четыре детских кровати и пятую большую, на которой сидит теперь няня в одной рубаше, с выпущенной косой, сидит и сонно качает маленькую Аню.

— Няня, где Жучка? — спрашивает Тёма.

— И-и, — отвечает няня. — Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод. — И, помолчав, прибавляет: — Хоть бы убил сперва, а то так, живьём... Весь день, говорят, визжала сердечная...

Тёме живо представляется старый, заброшенный колодец в углу сада, давно превращённый в свал всяких нечистот, представляется скользящее жидкое дно его, которое иногда с Иоськой они любили освещать, бросая туда зажжённую бумагу.

— Кто бросил? — спрашивает Тёма.

— Да ведь кто? Разве скажет!

Тёма с ужасом вслушивается в слова няни. Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов,

как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя снова засыпает. Он просыпается опять от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка всё обрывалась, пока он не решил сам лезть за нею. Тёма совершенно явственно помнит, как он привязал верёвку к столбу и, держась за эту верёвку, начал осторожно спускаться по срубу вниз; он уже добрался до половины, когда ноги его вдруг соскользнули, и он стремглав полетел на дно вонючего колодца. Он проснулся от этого падения и опять вздрогнул, когда вспомнил впечатление падения.

Сон с поразительной ясностью стоял перед ним. Через ставни слабо брезжил начинающийся рассвет.

Тёма чувствовал во всём теле какую-то болезненную истому, но, преодолев слабость, решил немедленно выполнить первую половину сна. Он начал быстро одеваться...

Одевшись, Тёма подошёл к няниной постели, поднял лежавшую на полу коробочку с серными спичками, взял горсть

их к себе в карман, на цыпочках прошёл через детскую и вышел в столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу здесь было уже порядочно светло.

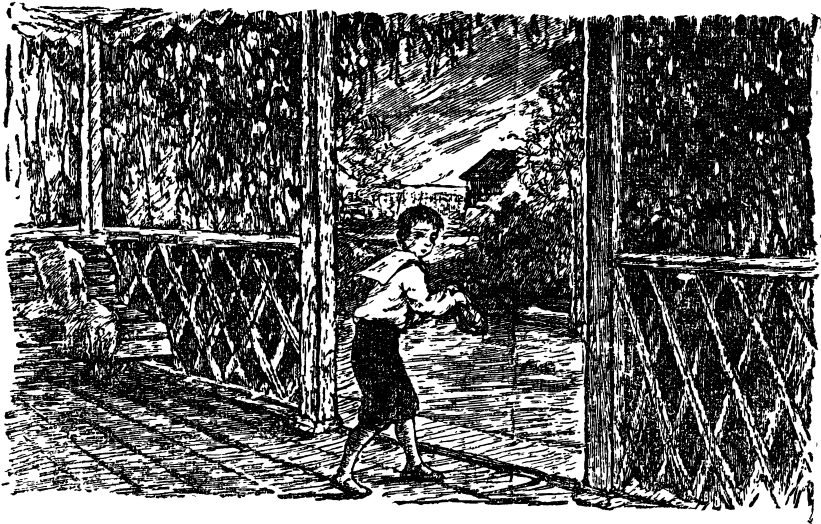
В столовой царил обычный утренний беспорядок: на столе стоял холодный самовар, грязные стаканы, чашки, валялись на скатерти куски хлеба, стояло холодное блюдо жаркого с застывшим белым жиром.

Тёма подошёл к отдельному столику, на котором лежала кипа газет, осторожно выдернул из середины несколько номеров, на цыпочках подошёл к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

Его обдало свежей сыростью рассвета.

День только что начинался. По бледному голубому небу там и сям точно ключьями повисли мохнатые, пушистые облака. Над садом лёгкой дымкой стоял туман. На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке...

Он спустился по ступенькам террасы в сад. В саду царил такой же беспорядок вчерашнего дня, как и в столовой.

Цветы с слепившимися перевернутыми листьями, как их прибил вчера дождь, пригнулись к грязной земле. Мокрые жёлтые дорожки говорили о силе вчерашних потоков. Деревья, с опрокинутой ветром листвой, так и остались наклонёнными, точно забывшись в сладком предрассветном сне.

Тёма пошёл по главной аллее, потому что в каретнике надо было взять для петли вожжи. Что касается до жердей, то он решил выдернуть их из беседки.

Каретник оказался запертым, но Тёма знал и без замка ход в него: он пригнулся к земле и подлез в подрытую собаками подворотню. Очутившись в са-

рае, он взял двое вожжей и захватил на всякий случай длинную верёвку, служившую для просушки белья.

При взгляде на фонарь он подумал, что будет удобнее осветить колодец фонарём, чем бумагой, потому что горящая бумага может упасть на Жучку — обжечь её.

Выбравшись из сарая, Тёма избрал кратчайший путь к беседке — перелез прямо через стену, отделявшую чёрный двор от сада. Он взял в зубы фонарь, намотал на шею вожжи, подвязался верёвкой и полез на стену. Он мастер был лазить, но сегодня трудно было взбираться: в голову точно стучали два молотка, и он едва не упал.

Взобравшись наверх, он на мгновение присел, тяжело дыша, потом свесил ноги и наклонился, чтобы выбрать место, куда прыгнуть. Он увидел под собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгает, когда он попадёт в свеженамоченную листву. Он оглянулся было назад, но, дорожа временем, решил прыгать. Он всё-таки наметил глазами более редкое место и спрыгнул прямо на черневший кусок земли. Тем не менее это его не спасло от

брызг, так как надо было пробираться между сплошными кустами винограда, и он вышел на дорожку совершенно мокрый. Эта холодная ванна мгновенно освежила его, и он почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что пустился рысью к беседке, взобрался проворно на горку, выдернул несколько самых длинных прутьев и большими шагами по откосу горы спустился вниз...

Подбежав к отверстию старого, заброшенного колодца, пустынно торчавшего среди глухой, поросшей только высокой травой местности, Тёма вполголоса позвал:

— Жучка, Жучка!

Тёма замер в ожидании ответа.

Сперва он ничего, кроме биения своего сердца да ударов молотков в голове, не слышал. Но вот откуда-то издалека, снизу, донёсся до него жалобный, протяжный стон. От этого стога сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик:

— Жучка, Жучка!

На этот раз Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тёму до слёз тронуло, что Жучка его узнала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчас тебя вытащу! — кричал он ей, точно она понимала его.

Жучка ответила новым радостным визгом, и Тёме казалось, что она просила его поторопиться исполнением обещания.

— Сейчас, Жучка, сейчас, — ответил ей Тёма и принялся, с сознанием всей ответственности принятого на себя обязательства перед Жучкой, выполнять свой сон.

Прежде всего он решил выяснить положение дела. Он почувствовал себя бодрым и напряжённым, как всегда.

Болезнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить в яму было делом одной минуты.

Тёма, наклонившись, стал вглядываться.

Фонарь тускло освещал потемневший сруб колодца, теряясь всё глубже и глубже в охватившем его мраке, и наконец на трёхсаженной глубине осветил дно.

Тонкой глубокой щелью какой-то далёкой панорамы¹ мягко сверкнула пе-

¹ П а н о р а м а — вид местности, открывающийся обычно с высоты.

ред. Тёмой в бесконечной глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная, гладь вонючей поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенками полусгнившего сруба.

Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далёкой, нежно светившейся страшной глади. Он точно почувствовал на себе её прикосновение и содрогнулся за свою Жучку. С замиранием сердца заметил он в углу чёрную шевелившуюся точку и едва узнал, вернее, угадал в этой беспомощной фигурке свою некогда резвую, весёлую Жучку, державшуюся теперь на выступе сруба. Терять времени было нельзя. От страха, хватит ли у Жучки силы дожидаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия. Он быстро вытащил назад фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять в темноте, что он её бросил, Тёма во всё время приготовления кричал:

— Жучка, Жучка, я здесь!

И радовался, что Жучка отвечает ему постоянно тем же радостным визгом. Наконец всё было готово. При помощи вожжей фонарь и два шеста с перекладной

— Сейчас, Жучка, сейчас, — ответил ей Тёма.

внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец.

Но этот так обстоятельно обдуманый план потерпел неожиданное и непредвиденное фиаско¹ благодаря стремительности Жучки, испортившей всё.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившийся снаряд имел целью её спасение, и поэтому, как только он достиг её, она сделала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь. Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступ.

Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна — самому спуститься в колодец.

Он привязывает вожжу к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и

¹ Ф и а с к о — поражение.

лезет в колодец. Он сознаёт только одно: что времени терять нельзя ни секунды.

Его обдаёт вонью и смрадом. На мгновенье в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки; это успокаивает его, и он спускается дальше. Он осторожно щупает спускающейся ногой новую для себя опору и, найдя её, сначала пробует, потом твёрдо упирается и спускает следующую ногу.

Добравшись до того места, где застряли брошенные жердь и фонарь, он укрепляет покрепче фонарь, отвязывает конец вожжи и спускается дальше. Вонь всё-таки даёт себя чувствовать и снова беспокоит и пугает его. Тёма начинает дышать ртом. Результат получается блестящий: вонь нет, страх окончательно улетучивается.

Снизу тоже благополучные вести. Жучка, опять уже усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию.

Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

Между ним и Жучкой происходит трогательное свидание друзей, не чаявших уже больше свидеться в этом мире. Он наклоняется, гладит её; она лижет его пальцы, и — так как опыт заставляет её быть благоразумной — она не трогается с места, но зато так трогательно, так нежно визжит, что Тёма готов заплакать...

Не теряя времени, он, осторожно держась зубами за изгаженную вожжу, обвязывает свободным её концом Жучку, затем поспешно карабкается наверх.

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тёму быстрее подниматься.

Но подниматься труднее, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Он судорожно ловит в себя всеми лёгкими воздух колодца, рвётся вперёд, и чем больше торопится, тем скорее оставляют его силы.

Тёма поднимает голову, смотрит вверх, в далёкое ясное небо, видит где-то высоко над собою маленькую весёлую птичку, беззаботно скачущую по

*...Он укрепляет покрепче фонарь, отвязывает конец вожжи
и спускается дальше.*

краю колодца, и сердце его сжимается тоской: он чувствует, что не долезет.

Страх охватывает его. Он растерянно останавливается, не зная, что делать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, бессилия, сознание гибели закрадываются в его душу...

— Не надо бояться, не надо бояться! — говорит он дрожащим от ужаса голосом. — Стыдно бояться! Трусы только боятся. Кто делает дурное — боится, а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа и мама за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять, опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу. Жучка рада будет, все будут удивляться, как я её вытащил.

Тёма говорит громко, у него голос крепнет, звучит энергичнее, твёрже, и, наконец успокоенный, он продолжает взбираться дальше.

Когда он снова чувствует, что начинает уставать, он опять громко говорит себе:

— Теперь опять отдохну и потом опять полезу. А когда я вылезу и рас-

скажу, как я смешно кричал сам на себя, все будут смеяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил.

Таким образом, незаметно его голова высовывается наконец над верхним срубом колодца. Он делает последнее усилие, вылезает сам и вытаскивает Жучку.

Теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его.

Почувствовав себя на твёрдой почве, Жучка энергично встряхивается, бешено бросается на грудь Тёмы и лижет его в самые губы. Но этого мало, слишком мало для того, чтобы выразить всю её благодарность, — она кидается ещё и ещё. Она приходит в какое-то безумное неистовство.

Тёма бессильно, слабеющими руками отмахивается от неё, поворачивается к ней спиной, надеясь этим манёвром спасти хоть лицо от липкой, вонючей грязи.

Занятый одной мыслью — не испачкать об Жучку лицо, Тёма ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тёма замирает на месте.

Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова.

Напряжённые нервы Тёмы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву, к великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, без препятствий, выражает ему свою горячую любовь и признательность за спасение.

Еремей (это был он), подымавшийся со свеженакошенной травой со старого кладбища, увидев Тёму, сообразил, что надо спешить к нему на помощь.

Через час Тёма, лёжа на своей кровати с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя.

Н. Г. Гарин-Михайловский

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Л. Н. Толстой. Филипок (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	3
Л. Н. Толстой. Косточка (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	8
Л. Н. Толстой. Девочка и грибы (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	10
Л. Н. Толстой. Три медведя (Сказка). <i>Рис. В. Курдова</i>	13
Л. Н. Толстой. Два товарища (Басня). <i>Рис. Г. Никольского</i>	17
К. Д. Ушинский. Дети в роще (Рассказ). <i>Рис. И. Архангельской</i>	19
Л. Н. Толстой. Лгун (Басня). <i>Рис. Г. Никольского</i>	25
Л. Н. Толстой. Котёнок (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	26
Л. Н. Толстой. Слон. <i>Рис. В. Курдова</i>	29
Л. Н. Толстой. Пожарные собаки. <i>Рис. В. Курдова</i>	30
Л. Н. Толстой. Лев и собачка (Быль). <i>Рис. Г. Никольского</i>	32
К. Д. Ушинский. Пчела и мухи. <i>Рис. А. Лаптева</i>	36
К. Д. Ушинский. Лес и ручей. <i>Рис. Г. Никольского</i>	38
К. Д. Ушинский. История одной яблоньки. <i>Рис. А. Лаптева</i>	40
Л. Н. Толстой. Птичка (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	44
К. Д. Ушинский. Чужое яйцо. <i>Рис. А. Лаптева</i>	48
Л. Н. Толстой. Орёл (Быль). <i>Рис. Г. Никольского</i>	51
М. Горький. Бабушкин скворец * ¹ (Отрывок из повести «Детство»). <i>Рис. Б. Дехтерёва</i>	54
Л. Н. Толстой. Лебеди * (Рассказ). <i>Рис. Г. Никольского</i>	56
Л. Н. Толстой. Акула (Рассказ). <i>Рис. И. Архангельской</i>	58

¹ Заголовки, отмеченные звёздочкой, не принадлежат авторам, они в разное время даны были редакцией.

И. С. Тургенев. Воробей (Стихотворение в прозе). <i>Рис. Г. Никольского</i>	62
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сказочка про Козявочку. <i>Рис. М. Успенской</i>	64
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Сказка про Комара Комаровича — Длинный Нос и про Мохнатого Мишу — Короткий Хвост. <i>Рис. Е. Рачёва</i>	71
Л. Н. Толстой. Прыжок (Быль). <i>Рис. И. Архангельской</i>	81
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Серая Шейка (Рассказ). <i>Рис. А. Лаптева</i>	87
В. М. Гаршин. Лягушка-путешественница. (Сказка). <i>Рис. Г. Никольского</i>	107
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Медведко (Рассказ). <i>Рис. А. Лаптева</i>	118
А. Н. Толстой. Желтухин (Главы из повести «Детство Никиты»). <i>Рис. А. Лаптева</i>	130
Н. Г. Гарин-Михайловский. Тёма и Жучка* (Отрывок из семейной хроники «Детство Тёмы»). <i>Рис. И. Архангельской</i>	141

Для начальной школы

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ответственный редактор *Н. М. Кожемякина*. Художественный редактор *Н. Э. Лезинская*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректор *К. И. Каревская*.
Сдано в набор 5/XI 1974 г. Подписано к печати 10/IV 1975 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 5,24.
Тираж 500 000 (250 001—500 000) экз. Заказ № 343. Цена 29 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР,
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

Цена 29 коп.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»